

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА,
кандидата философских наук
Головина Дениса Витальевича
на диссертацию Михалевской Анны Сергеевны
«Миф и наука: проблемы взаимодействия
в современном обществе» (Иваново, 2015. 142 с.),
представленную в диссертационный совет Д 212.062.01
при Ивановском государственном университете
на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.11 — социальная философия

Рецензируемая диссертация представляет собой оригинальную научно-философскую работу. Тема, которой посвящена работа, является очень актуальной и с точки зрения социальной философии, и с точки зрения общегуманитарной.

В современных социокультурных условиях миф и наука, с одной стороны, влияют и даже активно воздействуют на когнитивные структуры и комплексы целых социальных групп, а с другой — взаимодействуют друг с другом в рамках культурного пространства, локального и глобального. Это взаимодействие опосредуется вышеуказанными структурами и комплексами: будучи своеобразными формами культуры, миф и наука контактируют между собой посредством сознания, мышления, поведения, языка и мировоззрения различных социальных групп. Неслучайно у диссертанта встречаются (стр. 3) понятия «символические формы культуры» [курсив — Д. Г.] и «символические программы мышления» [курсив — Д. Г.]. Использование этих понятий представляется удачным решением, поскольку позволяет концептуализировать особенности взаимодействия мифа и науки и как явлений культурных, и как явлений когнитивных.

Заявленная цель исследования — «формирование целостного взгляда на социокультурные последствия взаимодействия мифа и науки на основе

анализа причин этого явления» (стр. 7) — сформулирована определенно, ясно. Отметим и то, что поставленные задачи органичны обозначенной цели.

В **параграфе 1.1.** диссертант показывает, что современный этап эволюции культуры и свойственная ему «массовая ремифологизированность практически всех структур современного общества» (стр. 20) создают благоприятные условия для взаимодействия мифа и науки как своеобразных форм культуры и «символических программ мышления». В результате этого взаимодействия реанимируются и порождаются многообразные «языки культуры синтетического типа» (стр. 13), особенности которых проявляются, например, в «околонаучной мифологии».

Примеры такой мифологии: уфология, астрология, парапсихология, графология, «теория торсионных полей», «волновая генетика». Отдельный пласт околонаучного знания представляют саентология, дианетика и прочая подобная продукция, которая и поныне пользуется популярностью у топ-менеджеров крупных (транс)национальных корпораций, «звезд» шоу-бизнеса и «простых» людей, одержимых идеей стать «успешными».

Автор диссертации указывает на ситуацию «”вращения” мифов во всех сферах общественной жизни» (стр. 25): мифологемами «насыщена» даже наука, причем не только фундаментальная, но и прикладная (стр. 31). Околонаучные мифы генерируются, в частности, посредством небрежной популяризации научных знаний (стр. 27). По иронии судьбы, тиражирование «околонаучной мифологии» и соответствующих ей образов, смыслов, ценностей и концепций обеспечивается посредством продуктов научно-технического прогресса (радио, телевидение, Интернет и т. д.).

С одной стороны, «околонаучная мифология» выступает в качестве средства конструирования индивидуального мировоззрения, с другой — в качестве средства формирования особого типа социальной реальности, где вымыслы смешаны со здравым смыслом, мифы — с фактами, наивная вера — с реальным знанием. Позитивное отношение к такому синкретичному типу реальности активно популяризируется в наши дни.

Диссертант называет причину широкого социального спроса на «околонаучное знание»: оно усваивается во многом «в форме мифа», который «по своей сути, имманентен нашему восприятию мира» (стр. 19). Миф же, обладая свойствами «культурной универсалии», нетрудно понять, запомнить, рассказать или пересказать окружающим.

«Околонаучная мифология» заполняет собой пропасть, отделяющую человека, не искушенного в вопросах современной науки, от адекватного понимания актуальных научных теорий, методов и экспериментов (стр. 22). В роли заполнителей такой пропасти выступают дискурсы, доступные для массового понимания. Преимущественно такие дискурсы имеют сенсационный подтекст и представляют собой «винегрет» из сомнительных заявлений и суждений, тенденциозно подобранных цитат и фактов, квазинаучной терминологии и претенциозных выводов.

Основными средствами распространения современной «околонаучной мифологии» являются СМИ, СМК, а также формируемые ими «медиасреды», размывающие границы между наукой и ненаукой (стр. 24). Высказывается совершенно правильное замечание: современные СМИ являются не только транслятором, но и генератором мифов (стр. 25).

К иным средствам распространения мифологии околонаучного толка относятся межличностное общение, преимущественно нерациональные способы отношения к миру (внутреннему и окружающему), а также коммуникации на уровне различных «языков культуры» (стр. 18).

Автор диссертации приходит к взвешенному заключению. Взаимодействие мифа и науки хотя и может быть направлено «на улучшение понимания» (стр. 19) между двумя этими сторонами, однако в подавляющем большинстве случаев приводит «к негативным последствиям как для науки (искажение ее образа), так и для общества (распространение псевдознания, симулякров, общественных иллюзий)» (стр. 30).

В **параграфе 1.2.** диссертантом предлагается «трехуровневая модель взаимодействия мифа и науки» (стр. 34—48). На основе этой модели (и

отчасти на основе теоретических разработок В. С. Соловьева, Э. Кассирера, А. Пуанкаре, А. Бергсона, М. Полани, А. Ф. Лосева и других исследователей) проводится качественная оценка проявлений данного процесса.

Первый уровень взаимодействия мифа и науки характеризуется как «*глубинный*» (стр. 34). В рамках индивидуальной психики этот уровень определяется главным образом результатами нерелексируемой когнитивной активности. В частности — результатами активности «внутренней формы языка» индивида, «неявными» знаниями (личностными и социальными).

«*Глубинный*» уровень — это уровень преимущественно стихийных проявлений «фундаментальных универсальных онтологем», и именно здесь, как полагает диссертант, мифологическое и научное недифференцированы.

Второй уровень взаимодействия мифа и науки (стр. 43—44) — это уровень взаимовлияния и сосуществования уже дифференцированных форм мифологического и научного. По мнению диссертанта, на этом уровне миф и наука взаимодействуют посредством взаимного обогащения образами, смыслами и концептами (стр. 43). В идеале «На языке этого уровня должны “говорить” научно-популярная литература, СМИ, освещающие состояние научных открытий» (стр. 44).

Третий уровень взаимодействия мифа и науки условно характеризуется как «*внешний*», и именно здесь «околонаучная мифология» проявляется в большей степени (стр. 48). Речь идет об уровне «внешних форм языков науки и мифа, выразительных средств, функционирующих в социальной реальности» (стр. 44). На этом уровне результаты индивидуальной когнитивной активности вступают в резонанс (как, надо думать, и в диссонанс) с общественным сознанием, с социальными ожиданиями и настроениями. «На этом уровне могут происходить определенные процессы общественной консолидации, но они, как правило, происходят на основе симулякров, общих иллюзий» (стр. 47—48).

В **параграфе 2.1** диссертант, опираясь, в том числе, на идеи А. Ф. Лосева, Я. М. Голосовкера, К. Хюбнера, Т. Куна, У. Матурано, рассматривает структуры и глубинные основания мифа и науки.

Как утверждается, миф и наука формируются не только как своеобразные формы социальной реальности, но и как исторически, онтологически и гносеологически устойчивые «языки познания» (стр. 50). На основе этой мысли высказываются тезисы, принципиальные для понимания причин востребованности современной «околонаучной мифологии».

Во-первых, миф в познавательно-функциональном плане не есть нечто чужеродное по отношению к глубинным слоям когнитивной активности человеческого сознания, индивидуального и массового (стр. 51, 58, 65).

Во-вторых, некоторые когнитивные структуры субъектов научной практики (например, структуры личностного неявного знания) «восходят, в том числе, к синкретичным представлениям донаучного мира, в котором первичным является миф» (стр. 65).

В-третьих, между мифом и наукой имеются существенные различия. Во многом они определяются когнитивными, социальными, культурными и историческими факторами. Эти факторы оказывают ощутимое влияние на специфику соответствующих познавательных практик и, следовательно, на способы легитимизации релевантных представлений.

В-четвертых, хотя между мифом и наукой имеются различия (гносеологические, социологические, психологические и т. д.), можно обнаружить сходство между онтологией мифа и онтологией науки. Причем сходство это ярко выражается в способах их социального бытования.

В **параграфе 2.2** автор диссертации, опираясь на идею о культурно-исторической детерминации различных типов рациональности, анализирует «гносеологическую роль» мифа и науки на индивидуальном и социальном уровнях.

Солидаризируясь с К. Хюбнером в оценке мифа (стр. 70, 78), диссертант признает наличие у мифа собственной логики и рациональности

— обстоятельство, не всегда учитываемое исследователями, что препятствует видеть в мифе нечто большее, чем простое нагромождение произвольных образов, смутных смыслов и хаотичных ассоциаций.

Миф и наука обладают познавательным потенциалом. Им свойственны выразительные средства, способные к обогащению познания (стр. 67, 77, 83). К таким средствам диссертант относит, среди прочего, образы и абстракции. Однако «типы мышления в мифе и в науке все же являются категорически противоположными» (стр. 79).

Миф выполняет не просто мировоззренческую функцию, но и «компенсаторскую» (стр. 82), т. е. действует там и тогда, где и когда наука бездействует или безмолвствует. Безмолвствует же она перед вопросами мировоззренческого характера, например, перед вопросом: «в чем смысл жизни человека?» Здесь на помощь приходит мифологический образ мысли. Он предлагает привлекательные в своей простоте и доступности решения сложнейших мировоззренческих проблем. Пока наука, с множеством оговорок, отвечает на вопросы о том или ином фрагменте действительности с узкоспециализированной точки зрения, миф способен давать — и дает — решительные и простые ответы на все. Во многом именно в этом состоит его притягательность для широких социальных слоев. В этом же кроется и опасность мифологического отношения к реальности. В данном контексте следует положительно оценить замечание диссертанта о том, что в современных социокультурных условиях миф играет скорее негативную роль, чем позитивную, и это выражается «в активном тиражировании» деструктивных версий околонучной мифологии в социуме (стр. 83). Сам диссертант выступает за «гармоничное и осторожное использование логики мифа» (стр. 82).

В **параграфе 3.1** автор диссертации, опираясь на рассуждения В. Делперта, Ф. Капры и других авторов, рассматривает характерные проявления мифологического мышления в научной практике и их особенности в различных научных отраслях.

По наблюдениям диссертанта, даже естественные науки не защищены от мифологических привнесений. Преимущественно же идеи, смыслы и дискурсы с выраженной мифологической составляющей проникают в социальные и гуманитарные науки, и чаще всего это происходит «через идеологемы» (стр. 93), а также через мифологизацию гипотез и научных теорий (стр. 20). На взгляд диссертанта, «Можно говорить о том, что в науке достаточно укоренено мифомышление» (стр. 88).

Разумеется, черты и паттерны мифологического мышления проявляются и у представителей внеученных сообществ (включая различные профессиональные сообщества). Причину этого обстоятельства диссертант усматривает «в природе самого человека — в воображении, “коллективном бессознательном”, архетипах, конституирующих общественное сознание, культуру и науку как её часть» (стр. 94).

В **параграфе 3.2** рассматриваются процессы ремифологизации и мифотворчества, наблюдаемые в современном обществе и культуре. Диссертант подкрепляет свои выводы концепциями К. Леви-Стросса, Р. Барта, У. Эко и других исследователей.

Ремифологизация «подпитывает» активность мифологического мышления человека (равно как и высокую восприимчивость разнообразных социальных групп к мифам) в условиях техногенной цивилизации. В частности, мифологическое мышление стимулируется в условиях «массового использования наукоемких информационных технологий» (стр. 94). На этом фоне миф выполняет «социорегулятивную функцию» (стр. 98), а мифология в том или ином ее виде обширно проникает в социальную «ткань», включая сферы образования и здравоохранения, государственные и коммерческие институты. Параллельно этому множатся и социализируются всевозможные паранаучные знания и практики: антинаучные, квазинаучные, лженаучные, псевдонаучные и т. д.

Автор диссертации дает понять, что наивный оптимизм по отношению к продуктам околонучного мифотворчества чреват опасностями (стр. 107).

В параграфе 3.3 анализируются последствия социального взаимодействия мифа и науки в отечественных реалиях.

В современной России (вос)производство дискурсов, необоснованно претендующих на научный статус, подчинено главным образом целям политической манипуляции (стр. 112) и коммерческим целям (стр. 114). Возможности для создания и распространения мифов, а также злоупотребления ими увеличились по сравнению с прошлыми эпохами.

Современные производители и популяризаторы знаний и практик ненаучного толка (квазинаучного, псевдонаучного, лженаучного и т. п.) эксплуатируют — и эксплуатируют прежде всего при помощи печатных и электронных СМИ, массовой культуры, разветвленной индустрии развлечений — научную неграмотность граждан; их инфантилизм, веру в чудо, любопытство, фобии, нереализованные желания и мечты; потребности в целостном мировоззрении, самореализации, принадлежности к сообществу, утверждении собственного превосходства над другими членами общества.

Рассуждения диссертанта наводят на неутешительную, но вполне объективную мысль: дерационализация и иррационализация отечественного общественного сознания, мышления и поведения поддерживается искусственно, в частности, «за счет дискредитации образа ученого, преподавателя, науки» (стр. 116).

Наряду с положительными моментами диссертация А. С. Михалевской не лишена некоторых недостатков, впрочем, не существенных на фоне проделанного объема работы.

Диссертант утверждает, что «паранаука, псевдонаука и квазинаука являются когнитивными феноменами, а околонаучная мифология — социальным» (стр. 96). Представляется, что более верна мысль о том, что все перечисленные феномены и когнитивны, и социальны. Для возникновения, артикуляции и поддержания существования каждого из них требуются как когнитивные «ресурсы» (сознание, мышление, язык, волевые качества,

эмоции и т. п.), так и социальные (СМИ, слухи, межличностное и коллективное общение и пр.).

Диссертант утверждает, что понятие «околонаучная мифология» включает в свой состав понятия «квазинаука», «псевдонаука», «паранаука» (стр. 96). С этим можно не согласиться. Понятие «околонаучная мифология» подразумевает, что речь идет в сущности о *мифологии*. Но, например, паранаука не всегда мифологична, она может иметь много ликов: «сегодня» — квазинаука, «завтра» — лженаука, «послезавтра» — антинаука.

Возможно, наиболее показательным примером в связи со сказанным является лысенковщина. Ее представители производили квазинаучные тексты, т. е. являлись квазиучеными. Лысенковцы неоднократно «ловились» на откровенной лжи, но продолжали распространять «сомнительные» идеи, т. е. являлись лжеучеными. Кроме того, некоторые лысенковцы способствовали моральному и физическому уничтожению высокопрофессиональных ученых, выступавших против Т. Д. Лысенко, т. е. являлись антиучеными. Во всех этих случаях перед нами скорее разнообразие *паранаучных (околонаучных)* феноменов, и сущность не каждого из них сводима к мифологии.

Указанные замечания в адрес диссертанта не носят принципиального характера.

Концепция, заложенная в основе диссертационного исследования, достаточно полно изложена в публикациях автора (15 публикаций, 4 из которых опубликованы в журналах, рецензируемых ВАК). Текст диссертации и сделанные диссертантом выводы соответствуют паспорту специальности 09.00.11 — социальная философия.

С учетом вышесказанного диссертация Михалевской Анны Сергеевны «Миф и наука: проблемы взаимодействия в современном обществе», представленная в диссертационный совет Д 212.062.01 при Ивановском государственном университете на соискание степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 — социальная философия, соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание

ученой степени кандидата наук п. 9. Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 — социальная философия.

Официальный оппонент —
Кандидат философских наук

Д. В. Головин

E-mail: codid@yandex.ru

Подпись Д. В. Головина заверяю.

Генеральный директор ООО «ДЕФИ» Ф. В. Васильев

23 апреля 2015 г.

Юридический адрес организации: 123298, г. Москва, ул. 3-я Хорошевская, д. 17, корп. 2.

Почтовый адрес: 302025, г. Орел, ул. Московское шоссе, д. 137, оф. 627.

Телефоны: (495) 380-05-10, (4862) 36-91-00.

E-mail: info@defi.su

